

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-18>

УДК 339.9, 338.4

JEL F2, L6, Q1

Е. Л. Андреева^{а)} , А. В. Ратнер^{б)}

^{а, б)} Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Оценка ресурсной обеспеченности: от ЕАЭС к Большому евразийскому пространству¹

Аннотация. Переформатирование мирохозяйственных связей актуализирует активизацию Россией сотрудничества на Большом евразийском пространстве на базе ЕАЭС. Цель исследования – обоснование подхода к оценке ресурсной обеспеченности перспектив развития Большого евразийского пространства. На базе подхода Б. Балассы и анализа документов авторы предлагают градацию пяти институциональных уровней (сверх ЕАЭС) развития Большого евразийского пространства и определяют их интеграционные контуры: I уровень – страны, с которыми у ЕАЭС заключено соглашение о зоне свободной торговли; II – иное соглашение; III – сотрудничество прорабатывается; IV – велись переговоры; V – страны, которые проявляли интерес к соглашению. Согласно 4 традиционным типам факторов производства, выделяются 8 видов ресурсной обеспеченности: сырьевая, агроклиматическая и продовольственная, трудовая, интеллектуальная, по производственным мощностям, транспортной инфраструктуре, внедренческая, финансовая. Для их оценки предлагаются показатели как представленные в статистике, так и рассчитанные авторами: число занятых в отдельном секторе, добавленная стоимость в сегменте обрабатывающей промышленности, удельное число исследователей в группе стран, превышение 3-летнего госбюджета над госдолгом, запасы суммы горючих ископаемых и др. Проведенная оценка ресурсной обеспеченности выделенных уровней показала, что за 2000–2021 гг. значительно выросла доля Большого евразийского пространства в мировом ВВП, природно-ресурсной ренте, промышленности, включая высокотехнологичную, в генерации патентов, инвестициях, грузоперевозках. Вклад ЕАЭС в Большое евразийское пространство существенен по фактору «земля», транспортной инфраструктуре, безопасности бюджета, в т. ч. со странами, помимо Китая, – по факторам «труд», «земля», ВВП; вклад отдельно Китая – по фактору «труд», производственные мощности, транспортная инфраструктура, технологии, международные резервы. Такое распределение ресурсов актуализирует кооперацию ресурсных возможностей внутри Большого евразийского пространства, особенно с целью разработки, внедрения и глобального продвижения передовых производственных технологий. Полученные результаты могут применяться при выборе механизмов и инструментов международного экономического сотрудничества и служить основой для будущих исследований в сфере моделирования баланса движения товаров, услуг и факторов производства между странами Большого евразийского пространства.

Ключевые слова: Большое евразийское пространство, ЕАЭС, международное экономическое сотрудничество, институциональные уровни, развитие сотрудничества, ресурсная обеспеченность, факторы производства

Для цитирования: Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В. (2024). Оценка Ресурсной Обеспеченности: от ЕАЭС к Большому Евразийскому Пространству. *Экономика региона*, 20(1), 263-275. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-18>

¹ © Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Текст. 2024

Elena L. Andreeva^{a)} , Artem V. Ratner^{b)} ^{a, b)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Assessing the Resource Provision: from the EAEU to the Greater Eurasian Space

Abstract. Considering the transformation of global economic relations, Russia strives to strengthen cooperation within the Greater Eurasian space (GES) on the basis of the Eurasian Economic Union (EAEU). The study aims to develop an approach to assessing the resource provision of the GES development. The Balassa method and the analysis of documents were used to distinguish five institutional levels (beyond the EAEU) of the GES development: I – countries that have a free trade zone agreement with the EAEU; II – countries that have other agreements; III – cooperation is elaborated; IV – negotiations were conducted; V – countries interested in cooperation. According to 4 traditional production factors, 8 types of resource provision were revealed: raw, agroclimatic and food, labour, intellectual, production capacity, transport infrastructure, innovation, financial. For their assessment, the following statistical and authors' indicators can be used: number of employees in a certain sector, added value in the manufacturing segment, number of researchers in the group of countries, 3-year state budget exceeding the public debt, fossil fuel reserves, etc. The assessment showed that the share of the Greater Eurasian space in the global gross domestic product, natural rent, industry (including high-tech), patent generation, investments, freight traffic, significantly increased in 2000–2021. The most significant contributions to the development of the Greater Eurasian space are: land, transport infrastructure, budget safety from the EAEU; labour, land, GDP from countries except China; labour, production capacity, transport infrastructure, technology, international reserves from China. Such resource allocation strengthens cooperation within the GES, which is necessary to develop, introduce and promote advanced production technologies. Research results can be used to choose mechanisms and tools of international economic cooperation, as well as to simulate the movement of goods, services and production factors between the GES countries.

Keywords: Greater Eurasian space, EAEU, international economic cooperation, institutional levels, cooperation development, resource provision, production factors

For citation: Andreeva, E. L., & Ratner, A. V. (2024). Assessing the Resource Provision: from the EAEU to the Greater Eurasian Space. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(1), 263-275. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-18>

Введение: постановка проблемы

В условиях ограничений промышленно развитыми странами отношений с Россией актуализируются «поворот на восток» и активизация сотрудничества с дружественными экономическими партнерами — представителями динамично развивающегося Востока. Повышение роли и значимости в мировой экономике развивающихся стран, включая Россию, в начале XXI в. и активизация процессов регионализации позволяют вести географически широкий диалог в режиме мягкого экономического партнерства (Андреева & Ратнер, 2015, с. 112-114). Президентом России В.В. Путиным еще в 2015 г. озвучена идея формирования Большого евразийского партнерства (далее кратко — БЕП). С ЕАЭС соглашения разной «глубины сотрудничества» заключены многими развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. В этой связи можно говорить о Большом евразийском пространстве на базе ЕАЭС. Географически большая его часть («ядро») расположена в вос-

точной Евразии (по этому признаку можно именовать пространство), часть — в Западной Азии и Африке, что отражено в данной статье. Учитывались страны, с которыми ЕАЭС заключено или прорабатывается соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ), и которые изъясляли интерес. То есть, главный критерий — геоэкономический: это — дружественные России страны, заинтересованные во взаимной торговле, имеющие с ней общность экономических интересов. Общность экономик России и стран БЕП на базе ЕАЭС состоит в направленности на материальное производство, понимании разумного соотношения государственного и рыночного регулирования, желании продолжать процессы внешнеторгового взаимодействия в полицентричном мире. Геокультурно БЕП объединяют ценности коллективизма и готовность к диалогу в многополярном мире.

У Китая имеется свое видение конфигурации сотрудничества в формате «экономического пояса Шёлкового пути». России также требуется детальный анализ перспектив раз-

вития БЕП на базе ЕАЭС, где БЕП выступает объектом исследования. Фундаментальной компонентой представляется обращение к научной проблеме измерения ресурсной обеспеченности сотрудничества в рамках БЕП: какие для этого имеются ресурсы, есть ли перспективы их роста, как ресурсы распределены между участниками БЕП, целесообразна ли кооперация? Поиск ответов на эти вопросы формирует исследовательскую цель: обосновать и осуществить оценку ресурсной обеспеченности экономического сотрудничества России со странами БЕП, и задачи исследования: обоснование уровней развития БЕП и их институциональных контуров, видов ресурсной обеспеченности перспектив развития данного пространства и показателей для их оценки, а также апробация данной оценки с учетом градации уровней сотрудничества. Предмет исследования — ресурсная обеспеченность развития БЕП. Гипотеза исследования: ресурсная обеспеченность перспектив развития БЕП существенна, обладает динамикой, является важнейшей предпосылкой его становления и отражает взаимодополняемость стран БЕП по ресурсам, требуемым как для экономического развития как стран, так и интеграционного объединения БЕП в целом.

Научная новизна и теоретическая значимость результатов исследования заключается в выделении 5 уровней БЕП, отнесении к ним потенциальных стран-участниц и их градации по интенсивности и / или готовности к наращиванию сотрудничества с ЕАЭС, помимо самого ЕАЭС как ядра БЕП, по институциональным признакам и в обосновании на основе традиционной для мировой экономики системы факторов производства (земля, труд, капитал, технологии) комплекса ресурсов и показателей их оценки как фактора ресурсной обеспеченности перспектив развития БЕП.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка синтеза интеграционного и ресурсного направлений исследования перспектив развития БЕП.

Теоретические основы исследования

Целесообразность оценки ресурсной обеспеченности экономического объединения стран подтверждается в научной литературе, но требует разработки инструментарий оценки. При этом дискуссия возникает по поводу того, какие виды ресурсов имеет смысл оценивать для объединения развивающихся стран.

Исследователи подчеркивают актуальность исследования перспектив сотрудничества России с экономиками стран Азии в режиме широкого евразийского партнерства на основе ЕАЭС (Торкунов & Стрельцов, 2023, с. 12) и изучения уровней интеграции (Додонов, 2021, с. 23–24) и ресурсного аспекта сотрудничества (Mamba & Balaki, 2023, р. 2059–2060). В развитии теоретической базы интеграции целесообразно использование методологического подхода Б. Балассы к классификации степеней экономической интеграции (Balassa, 2011, р. 2), с учетом того, что сама интеграция осуществляется между участниками ЕАЭС, но это не отменяет экономического взаимодействия с третьими странами в другом формате.

Помимо значимости торговли товарами (Шкваря и др., 2017), для ЕАЭС отмечается важность углубления инвестиционно-финансового сотрудничества (Глазьев, 2021, с. 11). Следовательно, целесообразна оценка и финансового ресурса. В литературе промышленно развитые страны сравниваются с развивающимися странами по ряду параметров (Мельянцев, 2023, с. 10–11, 13), но лишь по отдельно взятым странам. Ресурсная же обеспеченность, в т. ч. производительный потенциал, межстрановых партнерств оценивается крайне редко (Иорданова и др., 2021, с. 358). Также встречаются полярные точки зрения: с одной стороны, у партнерств развивающихся стран выделяют преимущественно лишь «первичные ресурсы» (факторы производства «земля», «труд»), а «технологии», «капитал» относят к промышленно развитым странам; с другой стороны, многими авторами отмечается, что развивающиеся экономики сделали скачок в производственно-технологическом развитии, а следовательно, имеет смысл оценить их относительную обеспеченность и этими ресурсами. Несмотря на то, что США и ЕС после кризиса 2008 г. осуществляли реиндустриализацию (Толкачёв & Гвоздева, 2023, с. 152), у промышленно развитых стран накопились большие госдолги и возросла степень деиндустриализации (Мельянцев, 2023, с. 10), поэтому вернуться к уровню 1990 г. быстро для них проблематично (Gruber, 2017, р. 331). В западной литературе присутствует неоднозначность трактовки: с одной стороны, отмечают активные усилия по стимулированию реиндустриализации, с другой — то, что европейским странам стало трудно проводить промышленную политику (Aiginger & Rodrik, 2020, р. 194–195).

Поэтому не следует недооценивать потенциал развивающихся стран и в части финансов и промышленной инфраструктуры. В развивающихся странах Азии формируется новый центр мирохозяйственного роста и цикл накопления капитала (Глазьев, 2022, с. 95-96). Они предпринимали долгосрочные программы индустриализации. В КНР в 1979–2018 гг. созданы 2543 специальных экономических зоны (Sun et al, 2022, р. 2, 6). В Индии в 2005 г. стартовала программа развития кластеров (Mehrotra, 2020, р. 164-170). Но и менее крупные страны, к примеру Вьетнам, уже обладают современной специализированной промышленной инфраструктурой, такой как промышленные парки (Костюнина, 2018, с. 126-129).

Какой же в итоге ресурс развивающимся экономикам обеспечили данные программы индустриализации? С одной стороны, промышленно развитые страны сохраняют лидерство в сфере науки и технологий (Barrios et al., 2022, р. 1, 23). Еще в 2010 г. США и Япония ассигновывали 47 % мировых расходов на НИОКР (Haruyama & Hashimoto, 2020, с. 158-159). С другой стороны, развивающиеся страны, в первую очередь за счет Китая, демонстрируют высокую динамику. У Китая есть своя Кремниевая долина (Лавренко & Мечикова, 2022, с. 48), в 2020 г. на КНР пришлось 30 % мирового экспорта ИКТ-товаров и ИКТ-услуг (Шкваря & Фролова, 2022, с. 483, 485-486). Следовательно, релевантно оценить технологический, интеллектуальный ресурс развивающихся экономик. ПРС предпринимает активные усилия по развитию промышленности 4.0. Однако китайские исследования отмечают: этим промышленно развитые страны еще больше усилили в своих экономиках роль нематериальных активов — технологий, брендов, патентов, стандартов (Deng, 2022, р. 149). По этой логике, аккумуляция материальной производственной инфраструктуры продолжает происходить не в ПРС, а в развивающихся экономиках.

Полярность трактовки распределения производственно-технологических ресурсов актуализирует поставленную в данной статье цель — оценить ресурсную обеспеченность БЕП, включая «производные» ресурсы: технологии и капитал.

Методология и данные

Для градации уровней развития БЕП из имеющихся документов ЕАЭС анализируется институционализация сотрудничества ЕАЭС с третьими странами с использованием методоло-

гического подхода Б. Балассы к классификации степеней международной экономической интеграции (Balassa, 2011, р. 2), с поправкой на то, что ЕАЭС с третьими странами также осуществляет взаимодействие. При обосновании видов ресурсов как фактора ресурсной обеспеченности перспектив развития БЕП авторами использовано учение о факторах производства. Взяты 4 фактора, работающие в любой экономике: труд, земля, капитал, технологии. Они предполагают учет широкого спектра ресурсов — материальных и нематериальных, первичных и производных, — отражающих потребности национальной экономики. По каждому ресурсу взяты из баз данных Всемирного банка, МВФ, «British Petroleum» и / или рассчитаны показатели: всего — 32, 14 из которых рассчитаны по авторским формулам (1)–(8). Для оценки того, в какой степени ресурсы содружества стран способны потенциально обеспечить синергию экономик стран, рассчитана доля БЕП (по уровням сотрудничества) в мировом объеме либо (при отсутствии данных) — его отношение к уровню G7, которая, хотя и является параорганизацией, включающей крупнейшие промышленно развитые страны, но в данном случае на контрасте хорошо демонстрирует сравнение с развивающимися странами. При наличии данных и динамики расчет велся с 2000 г. (год учреждения ЕврАзЭС) по 2021 г. Также по всем показателям рассчитывалась доля в БЕП для ЕАЭС, для Китая и для БЕП без него. Всего, включая сравнения, рассчитано 2093 промежуточных и итоговых значения.

$$E_i = \varphi_i(E) \times \varphi_E(P_{>15}) \times (P - P_{<15}), \quad (1)$$

где E_i — число занятых в i -м секторе экономики; φ_i — доля i -го сектора в структуре занятых, $\varphi_E(P_{>15})$ — доля занятых в численности населения (от 15 лет); P — численность населения валовая; $P_{<15}$ — численность населения до 15 лет.

$$AV_{m(i)} = \varphi_i(AV_m) \times AV_m, \quad (2)$$

где $AV_{m(i)}$ — добавленная стоимость в i -м сегменте обрабатывающей промышленности; $\varphi_i(AV_m)$ — доля i -го сегмента в структуре добавленной стоимости обрабатывающей промышленности; AV_m — добавленная стоимость обрабатывающей промышленности.

$$E_{R\&D} = E_{R\&D} (1 \text{ mln of } P) \times \frac{P}{1000000}, \quad (3)$$

где $E_{R\&D}$ — число исследователей; $E_{R\&D} (1 \text{ mln of } P)$ — число исследователей на 1 млн чел.; P — численность населения.

$$E_{R\&D}(1\text{mln of } P_G) = \frac{E_{R\&D}(G)}{\frac{P_G}{1000000}}, \quad (4)$$

где $E_{R\&D}(1\text{ mln of } P_G)$ — число исследователей в группе стран на 1 млн ее жителей; $E_{R\&D}(G)$ — число исследователей в группе стран; P_G — население группы стран.

$$R_{N.R.} = r_{N.R.}(GDP) \times GDP, \quad (5)$$

где $R_{N.R.}$ — природно-ресурсная рента; $r_{N.R.}(GDP)$ — доля природно-ресурсной ренты в ВВП; GDP — ВВП.

$$\Delta_{3Y(G)} = \frac{\sum_{j=i-2}^i Y(G)_j - \overline{D(i; i-1; i-2)}}{GDP(i; i-1; i-2)}, \quad (6)$$

где $\Delta_{3Y(G)}$ — превышение 3-летнего госбюджета над госдолгом; $\sum_{j=i-2}^i Y(G)_j$ — суммарный доход

госбюджета за данный и 2 предыдущих года; $\overline{D(i; i-1; i-2)}$ — валовой накопленный госдолг (средний за данный и 2 предыдущих года); $GDP(i; i-1; i-2)$ — ВВП (средний за данный и 2 предыдущих года).

$$I = \varphi_I(GDP) \times GDP, \quad (7)$$

где I — валовые инвестиции; $\varphi_I(GDP)$ — отношение валовых инвестиций к ВВП; GDP — ВВП.

$$S_F = \sum_{i=O.; N.G.; H.C.; B.C.} (S_i \times q_i), \quad (8)$$

где S_F — запасы горючих ископаемых (в [Дж]);

$\sum_{i=O.; N.G.; H.C.; B.C.} (S_i \times q_i)$ — сумма произведений

разведанного запаса S_i (в [т или м³]) на удельную теплоту сгорания q_i (в [Дж / т или Дж / м³]) по каждому из i ископаемых (нефть, природный газ, каменный, бурый уголь).

Все переменные в формулах (1) — (6) детерминированы линейкой показателей Всемирного банка, в (7) — МВФ, в (8) — «British Petroleum». Структура формул обусловлена тем, что Всемирный банк не публикует абсолютные величины ряда индикаторов, которыми можно измерить ресурсную обеспеченность: число занятых в отдельном секторе экономики (1), добавленная стоимость для отдельных сегментов обрабатывающей промышленности

(2), число исследователей (3), природно-ресурсная рента (5). Удельное число исследователей не публикуется для группы стран (4). МВФ не публикует абсолютную величину валовых инвестиций (7). Для объекта оценки опубликована лишь доля в более общем объекте (1, 2), удельная величина (3), либо отношение к ВВП (5, 7). «British Petroleum» не рассчитывает совокупные для всех энергоносителей запасы, так как это требует их пересчета в одну единицу измерения (8). По использованию отдельных переменных в формулах следует отметить, что разность ($P - P < 15$) дает валовое (свыше 15 лет) число занятых (1); для оценки финансовой состоятельности государства (6) решено взять госбюджет не за 1, а за 3 года, так как госдолг у ряда стран превышает однолетний госбюджет; при этом, так как размер долга от года к году варьируется, решено рассчитать средний за эти 3 года показатель.

Полученные результаты и их обсуждение

Анализ документов¹ позволил выявить институционализацию сотрудничества ЕАЭС с третьими странами и классифицировать ее по 5 уровням:

I. Страны, с которыми ЕАЭС заключил соглашение о ЗСТ: Вьетнам, Иран, Сербия, Сингапур (в перечне стран-санкционеров от 05.03.2022 г., но упомянут, так как соглашение о ЗСТ продлено 14.03.2022 г.).

II. Страны, с которыми ЕАЭС заключил иные соглашения о сотрудничестве, и / или наблюдатели: Китай, Молдова, Узбекистан, Куба.

III. Страны, с которыми ведутся переговоры, имеется меморандум либо разрабатывается соглашение или изучается его целесообразность: Египет, Израиль, Индия, Индонезия, Монголия, ОАЭ, Иордания, Камбоджа, Таиланд.

IV. Страны, которые изъявили интерес к торгово-экономическому сотрудничеству, и с кем велись переговоры, но меморан-

¹ Торговые соглашения ЕАЭС. ЕЭК. <https://ria.ru/20160113/1358967845.html> (дата обращения: 18.11.2022).

дума нет: Кения, Маврикий, Мьянма, Тунис, Филиппины.

V. Страны, которые ранее (более 5 лет назад) изъявляли интерес к соглашению о ЗСТ.

Результаты оценки факторов ресурсной обеспеченности приведены в таблицах 1–4. Особенно высокую обеспеченность БЕП с учетом всех 5 уровней имеет по фактору «земля»: 41,8 % мировых пахотных земель, 41,8 % запасов горючего, 59,1 % добавленной стоимости в сельском хозяйстве, 48,3 % производства зерновых; по трудовым ресурсам — 54,3 % мировой рабочей силы (при этом БЕП аккумулировала в 2021 г. 54,5 % населения до 39 лет), особенно квалифицированной, в промышленности (61,7 % мирового числа занятых в промышленности) и сельском хозяйстве (62,1 %). В сфере

услуг, несмотря на то, что страны БЕП — развивающиеся, они аккумулируют почти ½ мирового ресурса трудящихся (47,7 %). Также осуществляют 44,8 % мультимодальных контейнерных грузоперевозок, что иллюстрирует включенность в мировую транспортную инфраструктуру.

При этом ресурс производственных мощностей промышленности у стран БЕП ниже — 36,7 %, в т. ч. в обрабатывающей промышленности (37,6 %). Однако в ряде отраслей они аккумулируют большой, по сравнению с уровнем G7, объем ресурса, например, в химической промышленности — 90 %, а в текстильной — 533 %.

Сравнение с величиной G7 показывает разницу у БЕП и фактора «технологии»: по до-

Таблица 1

Ресурсная обеспеченность Большого евразийского пространства на базе ЕАЭС по фактору производства «земля» (% от суммарной обеспеченности мира* либо от суммарной обеспеченности G7*)

Table 1

Resource provision of the Greater Eurasian space on the basis of the EAEU by production factor “land” (% of the total provision of the world* or of the total provision of the G7*)

Ресурсы Уровни БЕП	Сырьевые ресурсы				
	Площадь суши	Запасы ископаемого горючего (8)	Площадь лесов	Природная рента (5)	
				2020	2000
ЕАЭС	15,0	14,4	20,5	8,6	12,9
+ I уровень	16,6	20,3	21,2	14,0	17,4
+ II уровень	24,3	30,3	26,8	18,8	29,4
+ III уровень	30,6	41,6	31,9	27,1	39,4
+ IV уровень	31,9	41,6	32,9	27,3	40,0
+ V уровень	32,6	41,8	33,0	28,2	40,2

Продолжение табл. 1.

Ресурсы Уровни БЕП	Агроклиматический и продовольственный ресурс								
	Сельскохозяйственные угодья		Пахотные земли	Земли под хлебными злаками		Добавленная стоимость в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве		Производство зерновых	
	2000	2020		2006	2021	2012	2020	2006	2021
ЕАЭС	9,3	9,5	11,4	8,4	8,4	2,7	2,0	4,4	4,7
+ I уровень	10,9	10,8	13,2	11,3	11,0	5,3	4,1	7,6	7,1
+ II уровень	22,4	22,7	22,5	24,2	24,9	31,6	35,1	28,1	28,1
+ III уровень	30,3	30,9	37,4	43,5	43,3	48,8	55,0	44,6	44,5
+ IV уровень	31,5	32,2	39,3	46,3	45,9	51,0	57,2	47,2	46,6
+ V уровень	32,6	33,3	41,8	48,7	48,3	53,1	59,1	48,9	48,3

*Примечание к таблицам 1–4:

Суммарная по миру (либо по G7) ресурсная обеспеченность — абсолютная величина (не %), если не указано иное. Ее значение по миру взято авторами из источников, приведенных ниже; за исключением показателей «пахотные земли» и «международные резервы», для которых рассчитана сумма значений всех стран мира; и за исключением расчетных показателей, для которых оно рассчитано с использованием авторских формул (1)–(8). Значение ресурсной обеспеченности по G7 (а также по ЕАЭС и по каждому уровню БЕП) рассчитано авторами путем сложения значений входящих в ее состав стран; значения стран при этом взяты из источников, приведенных ниже; в случае расчетных показателей использовались авторские формулы (1)–(8). По ряду показателей по отдельным странам в связи с отсутствием данных значения взяты за предыдущие годы (в т. ч. как среднее предыдущих лет) либо учтены как «0».

Таблица 2

Ресурсная обеспеченность Большого евразийского пространства на базе ЕАЭС по фактору производства «труд» (% от суммарной обеспеченности мира* либо от суммарной обеспеченности G7*)

Table 2

Resource provision of the Greater Eurasian space on the basis of the EAEU by production factor “labour” (% of the total provision of the world* or of the total provision of the G7*)

Уровни БЕП	Трудовые ресурсы							
	Рабочая сила		Число занятых (1)					
			в промышленности		в сельском хозяйстве		в сфере услуг	
	2000	2020	2000	2019	2000	2019	2000	2019
ЕАЭС	3,2	2,7	4,1	3,1	1,4	0,8	4,3	3,5
+ I уровень	5,5	5,2	6,1	6,3	4,3	3,7	6,0	5,6
+ II уровень	32,6	27,8	36,4	34,3	39,2	25,7	25,7	27,4
+ III уровень	52,9	49,2	52,8	57,2	67,0	55,3	40,2	43,2
+ IV уровень	55,4	52,0	54,7	59,3	69,9	59,2	42,7	45,9
+ V уровень	57,2	54,3	56,6	61,7	71,9	62,1	44,5	47,7

Продолжение табл. 2

Уровни БЕП	Интеллектуальный ресурс					
	Число исследователей (к G7) (2020 г.) (4)		Число заявок на патенты		Число заявок на промышленные образцы	
	на 1 млн жителей	валовое	2013	2020	2013	2018
ЕАЭС	49,7	11,7	1,9	1,1	0,3	0,4
+ I уровень	34,9	16,8	2,6	1,6	0,9	1,8
+ II уровень	33,6	79,6	44,1	60,0	59,2	62,2
+ III уровень	20,4	98,5	45,0	61,2	60,4	63,8
+ IV уровень	19,5	99,7	45,0	61,3	60,5	64,0
+ V уровень	18,7	101,8	45,0	61,3	60,6	64,0

*Примечание и источники приведены под таблицей 1.

бавленной стоимости в средне- и высокотехнологичной обрабатывающей промышленности — 81,5 % ресурса G7, в т. ч. в производстве машин, оборудования и транспортных средств — 67,8 %. Впечатляет и интеллектуальный ресурс: если измерять его по числу заявок на патенты и промышленные образцы, то здесь страны БЕП аккумулируют большую часть мирового ресурса. А по числу исследователей БЕП стало сопоставимо с G7.

Внимания заслуживает и финансовый ресурс (фактор «капитал»). БЕП аккумулирует 2/5 мировых инвестиций и международных резервов. Также у БЕП существенно более благоприятное соотношение государственного бюджета и долга: если у G7 в сумме 3-летний бюджет уступает накопленному долгу — в объеме 0,1 % их суммарного ВВП, то у стран БЕП — превышает в объеме 1,4 % ВВП. При этом у ЕАЭС 3-летние доходы бюджета превышают долг на 12,3 % ВВП.

Если измерять ресурс производственных мощностей по ВВП, то оценка ресурса стран БЕП будет скромнее — 29,1 % мирового ресурса. Однако если оценивать ВВП по ППС, то доля составит 38,8 %. Но самое существенное — производительные силы стран БЕП быстро растут: с 2000 г. по 2021 г. доля этих стран в мировом ВВП выросла с 9,2 до 29,1 %, в мировой добавленной стоимости в промышленности — с 13,6 % в 2001 г. до 36,7 % в 2020 гг.; в т. ч. в химической — с 81,0 % от ресурса G7 в 2014 г. до 90,0 % в 2018 г., в текстильной — с 405 % от ресурса G7 в 2013 г. до 533 % в 2018 г. Стремительный рост ВВП стран БЕП при стабильной доле в рабочей силе (57,2 % мирового ресурса в 2000 г. и 54,3 % в 2020 г.) свидетельствует, что выросло производство в расчете на 1 занятого, то есть производительность труда и производство более сложных товаров. Выросла и добавленная стоимость в средне- и высокотехнологичной об-

Таблица 3

Ресурсная обеспеченность Большого евразийского пространства на базе ЕАЭС по производственно-инфраструктурному фактору (% от суммарной обеспеченности мира (если не указано иное)* либо от суммарной обеспеченности G7*)

Table 3

Resource provision of the Greater Eurasian space on the basis of the EAEU by production and infrastructure factor (% of the total provision of the world (unless otherwise indicated)* or of the total provision of G7*)

Уровни БЕП	Ресурс производственных мощностей											
	ВВП		ВВП по ППС		Добавленная стоимость в промышленности (включая строительство) (2)		Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности (2)		Добавленная стоимость в химической промышленности (к G7) (2)		Добавленная стоимость в текстильной промышленности (к G7) (2)	
	2000	2021	2000	2021	2001	2020	2012	2019	2014	2018	2013	2018
ЕАЭС	0,9	2,1	1,1	3,8	1,3	2,4	2,4	1,8	4,8	3,4	6,5	4,9
+ I уровень	1,3	3,0	1,9	5,7	2,0	3,4	3,7	2,8	8,3	5,8	15,4	19,4
+ II уровень	5,0	21,5	5,3	24,5	8,8	28,6	26,2	30,3	64,1	68,4	324	426
+ III уровень	8,3	28,0	9,4	36,7	12,8	35,7	32,1	36,6	79,8	87,2	387	508
+ IV уровень	8,7	28,7	9,8	37,9	13,2	36,4	32,8	37,3	81,0	89,1	395	520
+ V уровень	9,2	29,1	10,2	38,8	13,6	36,7	33,1	37,6	81,0	90,0	405	533

Продолжение табл. 3.

Уровни БЕП	Ресурс транспортной инфраструктуры				
	Длина железнодорожных путей (к G7)	Поток (м ³) контейнеров в портах		Авиагрузо-перевозки (т-км)	
		2021	2007	2021	2002
ЕАЭС	34,7	0,6	0,6	0,9	3,0
+ I уровень	39,9	1,8	3,0	1,1	3,5
+ II уровень	78,6	23,0	34,3	5,5	15,1
+ III уровень	106,7	31,5	43,0	11,1	24,9
+ IV уровень	108,0	32,7	44,4	11,6	25,6
+ V уровень	110,5	33,2	44,8	11,9	25,7

*Примечание и источники приведены под таблицей 1.

рабатывающей промышленности (с 64,7 % от ресурса G7 в 2012 г. до 81,5 % в 2018 г.), в т. ч. в производстве машин, оборудования и транспортных средств (с 59,0 % от ресурса G7 в 2013 г. до 67,8 % в 2018 г.) (фактор «технологии»).

Выросла обеспеченность и другими ресурсами: числом занятых в промышленности (трудовые ресурсы: с 56,6 % мирового ресурса в 2000 г. до 61,7 % в 2019 г.), генерацией патентов (интеллектуальный ресурс: с 45,0 % в 2013 г. до 61,3 % в 2020 г.), инвестициями

(фактор «капитал»: с 11,1 % в 2000 г. до 40,2 % в 2021 г., в т. ч. доля ЕАЭС — с 0,6 % до 1,9 %). Значительным был рост транспортной инфраструктуры: в потоке контейнерных грузо-перевозок через порты доля БЕП в мире выросла с 2007 по 2021 гг. с 33,2 до 44,8 %, в авиагрузоперевозках с 2002 г. по 2019 г. — с 11,9 до 25,7 % (в т. ч. доля ЕАЭС выросла в 3,3 раза). Значительно выросла природно-ресурсная рента (фактор «земля»): с 28,2 % мирового объема в 2000 г. до 40,2 % в 2020 г. (в т. ч. у ЕАЭС: с 8,6 до 12,9 %).

Таблица 4

Ресурсная обеспеченность Большого евразийского пространства на базе ЕАЭС по факторам производства «технологии» (внедренческий ресурс) и «капитал» (% от суммарной обеспеченности мира (если не указано иное)* либо от суммарной обеспеченности G7*)

Table 4

Resource provision of the Greater Eurasian space on the basis of the EAEU by production factors “technology” (innovation resource) and “capital” (% of the total provision of the world (unless otherwise indicated)* or of the total provision of G7*)

Уровни БЕП	Фактор: технологии (внедренческий ресурс)					
	Добавленная стоимость в средне- и высокотехнологичной обрабатывающей промышленности (к G7)		Добавленная стоимость в производстве машин, оборудования и транспортных средств (к G7)		Добавленная стоимость в сфере услуг	
	2012	2018	2013	2018	2012	2020
ЕАЭС	3,2	2,4	2,1	1,8	2,9	1,7
+ I уровень	5,4	4,4	3,3	3,6	3,8	2,3
+ II уровень	51,7	66,4	48,9	56,5	12,2	16,8
+ III уровень	63,0	79,9	57,6	66,7	16,3	21,8
+ IV уровень	64,4	81,2	58,9	67,7	16,8	22,5
+ V уровень	64,7	81,5	59,0	67,8	17,1	22,8

Продолжение табл. 4.

Уровни БЕП	Фактор: капитал					
	Международные резервы		Превышение 3-летнего госбюджета над госдолгом (% ВВП) (6)		Валовые инвестиции (7)	
	2015	2020	2006 (G7: 0,8%)	2021 (G7: -0,1%)	2000	2021
ЕАЭС	3,4	4,5	31,1	12,3	0,6	1,9
+ I уровень	3,8	5,3	33,3	8,3	2,5	2,9
+ II уровень	32,9	28,9	15,9	1,8	7,4	32,6
+ III уровень	40,1	38,2	14,0	1,8	10,7	39,5
+ IV уровень	41,0	39,2	12,2	1,6	11,0	40,0
+ V уровень	41,1	39,4	11,7	1,4	11,1	40,2

*Примечание и источники приведены под таблицей 1.

С одной стороны, ЕАЭС обладает большими ресурсами, с другой, — не по всем показателям его доля выросла. Анализ показывает, что вклад ЕАЭС (отражает, в первую очередь, вклад России) в совокупную ресурсную обеспеченность БЕП существенен в следующих случаях: 1) фактора «земля»: 34,3 % запасов ископаемого горючего (14,4 п. п. из 41,8 %-й доли БЕП в мире), 32,1 % природно-ресурсной ренты, 62,1 % площади лесов, 46 % — суши, 28,5 % сельскохозяйственных угодий БЕП и 27,3 % пахотных земель; 2) ресурса транспортной инфраструктуры (31,4 % железнодорожных путей); и 3) фактора «капитал» (вклад в превышение 3-летнего госбюджета БЕП над госдолгом — 53,6 % — доля ЕАЭС в сумме положительных значений данного баланса, рассчитываемого для каждого уровня БЕП). Для остальных стран БЕП может быть интересен российский опыт регулирования бюджета, международных резервов, госдолга, подготовки высококвалифицированных специалистов. Также ана-

лиз показывает, что отношение ЕАЭС к значению мира либо G7 снизилось в случае: числа занятых в промышленности (приросло с 22,0 до 23,1 млн чел., а в мире — с 536 до 740 млн чел.); добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности (приросла с 293 до 302 млрд долл. США, а в мире — с 12,1 до 16,1 трлн дол.), в химической (на фоне санкций снизилась с 27,5 до 23,0 млрд долл. США при росте в G7 на 8,2 %; правда, у ЕАЭС в 2014 г. был рост с 2012 г., а у G7 — снижение), текстильной (на фоне санкций снизилась с 6,2 до 4,7 млрд долл. США, а у G7 снизилась на 0,2 %; правда, у ЕАЭС в 2013 г. был рост с 2012 г., а у G7 — снижение), средне- и высокотехнологичной обрабатывающей промышленности (на фоне санкций понизилась с 77,3 до 61,2 млрд долл. США, а у G7 приросла на 7,4 %), в сельском хозяйстве и рыболовстве (на фоне санкций понизилась с 81,9 до 75,6 млрд долл. США, а в мире выросла с 3038 до 3704) (рассчитано по исходным данным к табл. 1–4). При этом доля БЕП по всем

этим показателям приросла. Если взять отдельно ЕАЭС, отдельно Китай и отдельно совокупность стран БЕП без учета Китая, то для каждого из этих пространств существуют виды ресурсов, по которым оно вносит решающий вклад в совокупную обеспеченность БЕП. Следовательно, России целесообразно расширять сотрудничество на БЕП, имеющем больший ресурсный потенциал.

Заключение

Таким образом, обоснование комплекса видов ресурсной обеспеченности перспектив развития БЕП и показателей их оценки подтвердило выдвинутую гипотезу о наличии у БЕП значительных ресурсов, их положительной динамике и их значимости для развития БЕП, а также о взаимодополняемости стран БЕП по ресурсам, необходимым для экономического развития как стран, так и интеграционного пространства БЕП в целом.

БЕП охватывает широкий круг стран, для которого может быть предложена следующая градация: помимо собственно стран ЕАЭС, можно выделить I уровень расширенного сотрудничества — страны, с кем у ЕАЭС заключено соглашение о ЗСТ, II уровень — страны, с которыми у ЕАЭС иное соглашение о сотрудничестве либо статус наблюдателя в ЕАЭС; III уровень — страны, с которыми у ЕАЭС подписан меморандум о сотрудничестве или вопрос торгово-экономического соглашения прорабатывается; IV уровень — страны, которые изъявили интерес к торгово-экономическому сотрудничеству и с кем велись переговоры; V уровень — кто ранее (более 5 лет назад) изъявлял интерес к созданию ЗСТ с ЕАЭС.

Анализ позволил обосновать оценку ресурсной обеспеченности экономического сотрудничества России с БЕП по 8 ее видам, исходя из 4 факторов производства. Показатели их оценки отражают количество сырьевых, человеческих (в т. ч. интеллектуальных), финансовых ресурсов, производственных и транспортных мощностей относительно уровня мира либо групп стран. Страны БЕП обеспечены многими видами ресурсов, и не только фактором «земля» (природные ресурсы, ресурс производительных сил в сельском хозяйстве и др.). Наряду с ними, наиболее представлены ресурсы фактора «труд» (рабочая сила,

в т. ч. молодая и квалифицированная, интеллектуальный ресурс), ресурс транспортной инфраструктуры, по отдельным отраслям — производственный ресурс, ресурсы факторов «капитал» (ресурс финансовой безопасности бюджета, инвестиции) и «технологии» (внедренческий ресурс). Причем со времен активизации российского сотрудничества на евразийском пространстве и диалога в рамках БРИКС обеспеченность стран современного БЕП по ряду ресурсов существенно выросла. В меньшей степени сформированы и требуют развития ресурс производительных сил в промышленности, в особенности в обрабатывающей, и в сфере услуг. С одной стороны, ЕАЭС обладает большими ресурсами, с другой — не по всем показателям его доля выросла. Это говорит о том, что трудно решать вопросы экономического развития только за счет существующего экономического пространства, целесообразно расширять сотрудничество в БЕП, имеющем больший ресурсный потенциал и, соответственно, высокие перспективы развития.

Практическая значимость результатов исследования состоит в выводе, что более благоприятной для стран БЕП будет не компенсация меньшей обеспеченности ресурсами путем их закупки у третьих стран в обмен на преобладающие у БЕП ресурсы, а кооперация имеющихся ресурсных возможностей внутри БЕП для разработки и внедрения технологий, позволяющих повысить производительность и добавленную стоимость. При этом имеет смысл мониторинг развития технологий ПРС, чтобы понимать необходимые направления и степень совершенствования собственных технологий и не отставать в развитии технологий, обеспечивать свои рынки передовыми товарами и сохранять конкурентоспособность на международном рынке своих партнеров по БЕП. Этот и другие выводы исследования могут представлять интерес для институтов содействия при выборе рынков и отраслей для поддержки внешнеэкономических связей, а также при создании интеграционного «поля» со своими правилами взаимодействия в интересах евразийского пространства. Что касается вклада в потенциальные будущие исследования, то полученные результаты могут служить основой для исследований в сфере моделирования баланса товаров, услуг и факторов производства между странами БЕП.

Список источников

Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В. (2015). Потенциал БРИКС и ШОС. *Мировая экономика и международные отношения*, 59(4), 111-116. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-4-111-116>

- Глазьев, С. Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics*, 19(1), 93–115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>
- Глазьев, С. Ю. (2021). Как построить Большое евразийское партнерство? *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 15(3), 9–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14>
- Додонов, В. Ю. (2021). Внешняя торговля Казахстана с партнерами ЕАЭС: предварительные итоги. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 15(4), 21–32. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-21-32>
- Иорданова, В. Г., Шапор, М. А., Алтухова, К. П. (2021). Оценка эффективности интеграционных процессов региональных интеграционных объединений (на примере ЕС, НАФТА, ЕАЭС). *Международная экономика*, 5, 348–362. <https://doi.org/10.33920/vme-04-2105-03>
- Костюнина, Г. М. (2018). Свободные экономические зоны в практике Вьетнама. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 1(2), 121–135.
- Лавренко, Е. В., Мечикова, М. Н. (2022). Цифровая трансформация промышленности: российский и зарубежный опыт. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*, 11(1), 47–52. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-1-46-51>
- Мельянцева, В. А. (2023). Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 3, 6–20. <https://doi.org/10.31857/S086919080025205-2>
- Толкачев, С. А., Гвоздева, В. А. (2023). Глобальные цепочки стоимости в эпоху технологической трансформации и деглобализации. *Проблемы рыночной экономики*, 2, 140–155. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-140-155>
- Торкунов, А. В., Стрельцов, Д. В. (2023). Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(4), 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>
- Шкваря, Л., Карабулатова, И., Русакович, В., Рапиев, А. (2017). Влияние таможенного союза и ЕАЭС на развитие малого и среднего бизнеса в Казахстане. *Центральная Азия и Кавказ*, 20(1), 103–110.
- Шкваря, Л. В., Фролова, Е. Д. (2022). Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. *Экономика региона*, 18(2), 479–493. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>
- Adarov, A., & Ghodsi, M. (2021). The impact of the Eurasian Economic Union — Iran preferential trade agreement on mutual trade at aggregate and sectoral levels. *Eurasian Economic Review*, 11(1), 125–157. <https://doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2>
- Aiginger, K., & Rodrik, D. (2020). Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 20(2), 189–207. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00322-3>
- Amogne, H. S., & Hagiwara, T. (2021). Impact of alternative regional trade arrangements on the Ethiopian economy. *Economic Structures*, 10(2), 1–26. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00232-2>
- Balassa, B. (2011). *The theory of economic integration*. Republish. of 1962 edition. Abingdon: Routledge, 303.
- Barrios, C., Flores, E., Martínez, M., & Ruiz-Martínez, M. (2023). Are the Major Knowledge-producing Countries Converging in Science and Technology Capabilities? *Journal of the Knowledge Economy*, 14(4), 4534–4560. <https://doi.org/10.1007/s13132-022-01075-x>
- Deng, Z. (2022). Reindustrialization of Developed Countries and the Impact of the New Industrial Revolution on the Pattern of International Division of Labor. In: B. Jin, Q. Zhang (Eds.), *The New Trend of Global Industrial Division of Labor and China's Responses* (pp. 149–164). Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5674-4>
- Gruber, H. (2017). Innovation, skills and investment: a digital industrial policy for Europe. *Economia e Politica Industriale*, 44(3), 327–343. <https://doi.org/10.1007/s40812-017-0073-x>
- Haruyama, T., & Hashimoto, K. (2020). Innovators and imitators in a world economy. *Journal of Economics*, 130(2), 157–186. <https://doi.org/10.1007/s00712-019-00688-2>
- Mamba, E., & Balaki, A. (2023). Deep regional trade agreement as a driver for global value chains in Africa: the case of ECOWAS region. *Economic Change and Restructuring*, 56(3), 2037–2068. <https://doi.org/10.1007/s10644-023-09503-x>
- Maryam, J., & Mittal, A. (2019). An empirical analysis of India's trade in goods with BRICS. *International Review of Economics*, 66(4), 399–421. <https://doi.org/10.1007/s12232-019-00328-7>
- Mehrotra, S. (2020). “Make in India”: The Components of a Manufacturing Strategy for India. *The Indian Journal of Labour Economics*, 63(1), 161–176. <https://doi.org/10.1007/s41027-019-00201-9>
- Sun, W., Wu, J., & Yang, H. (2022). Increasing entrepreneurs through green industrial parks: evidence from special economic zones in China. *The Annals of Regional Science*, 72, 287–312. <https://doi.org/10.1007/s00168-022-01200-3>
- Zinchenko, A. A., & Radionov, S. A. (2023). Analysis of the Effects Produced by Trade Liberalization in the Republic of Uzbekistan and the EAEU. *Studies on Russian Economic Development*, 34(1), 142–149. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-206-216>

References

- Adarov, A., & Ghodsi, M. (2021). The impact of the Eurasian Economic Union — Iran preferential trade agreement on mutual trade at aggregate and sectoral levels. *Eurasian Economic Review*, 11(1), 125–157. <https://doi.org/10.1007/s40822-020-00161-2>
- Aiginger, K., & Rodrik, D. (2020). Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 20(2), 189–207. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00322-3>
- Amogne, H. S., & Hagiwara, T. (2021). Impact of alternative regional trade arrangements on the Ethiopian economy. *Economic Structures*, 10(2), 1–26. <https://doi.org/10.1186/s40008-020-00232-2>

- Andreeva, E. L., & Ratner, A. V. (2015). Potential of BRICS and SCO. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 59(4), 111–116. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-4-111-116> (In Russ.)
- Balassa, B. (2011). *The theory of economic integration*. Republish. of 1962 edition. Abingdon: Routledge, 303.
- Barrios, C., Flores, E., Martínez, M., & Ruiz-Martínez, M. (2023). Are the Major Knowledge-producing Countries Converging in Science and Technology Capabilities? *Journal of the Knowledge Economy*, 14(4), 4534–4560. <https://doi.org/10.1007/s13152-022-01075-x>
- Deng, Z. (2022). Reindustrialization of Developed Countries and the Impact of the New Industrial Revolution on the Pattern of International Division of Labor. In: B. Jin, Q. Zhang (Eds.), *The New Trend of Global Industrial Division of Labor and China's Responses* (pp. 149–164). Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5674-4>
- Dodonov, V. Y. (2021). Kazakhstan's Foreign Trade with EAEU Partners: Preliminary Results. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics]*, 15(4), 21–32. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-21-32> (In Russ.)
- Glazyev, S. Yu. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*, 19(1), 93–115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6> (In Russ.)
- Glazyev, S. Yu. (2021). How to build a Great Eurasian partnership? *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics]*, 15(3), 9–14. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14> (In Russ.)
- Gruber, H. (2017). Innovation, skills and investment: a digital industrial policy for Europe. *Economia e Politica Industriale*, 44(3), 327–343. <https://doi.org/10.1007/s40812-017-0073-x>
- Haruyama, T., & Hashimoto, K. (2020). Innovators and imitators in a world economy. *Journal of Economics*, 130(2), 157–186. <https://doi.org/10.1007/s00712-019-00688-2>
- Jordanova, V. G., Shapor, M. A., & Altukhova, K. P. (2021). Evaluation of the effectiveness of integration processes of regional integration associations (on EU EXAMPLE, NAFTA, EAEP). *Mezhdunarodnaya ekonomika [The world economics]*, 5, 348–362. <https://doi.org/10.33920/vne-04-2105-03> (In Russ.)
- Kostyunina, G. (2018). Free economic zones in Vietnam's practice. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya [South East Asia: actual problems of development]*, 1(2), 121–135. (In Russ.)
- Lavrenko, E. V. & Mechikova, M. N. (2022). Digital transformation of industry: Russian and foreign experience. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy [Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies]*, 11(1), 47–52. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-1-46-51> (In Russ.)
- Mamba, E., & Balaki, A. (2023). Deep regional trade agreement as a driver for global value chains in Africa: the case of ECOWAS region. *Economic Change and Restructuring*, 56(3), 2037–2068. <https://doi.org/10.1007/s10644-023-09503-x>
- Maryam, J., & Mittal, A. (2019). An empirical analysis of India's trade in goods with BRICS. *International Review of Economics*, 66(4), 399–421. <https://doi.org/10.1007/s12232-019-00328-7>
- Mehrotra, S. (2020). “Make in India”: The Components of a Manufacturing Strategy for India. *The Indian Journal of Labour Economics*, 63(1), 161–176. <https://doi.org/10.1007/s41027-019-00201-9>
- Meliantsev, V. A. (2023). How Substantially and Fast Are Developing Countries Catching Up with the Advanced Economies? *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost [Oriens]*, 3, 6–20. <https://doi.org/10.31857/S086919080025205-2> (In Russ.)
- Shkvarya, L., Karabulatova, I., Rusakovich, V. & Rapiev, A. (2017). The impact of the customs union and the EAEU on the small and medium business in Kazakhstan. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, 18(1), 93–100. (In Russ.)
- Shkvarya, L. V., & Frolova, E. D. (2022). Comparative Analysis of Foreign Trade Development in the Digital Segment by World Regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(2), 479–493. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13> (In Russ.)
- Sun, W., Wu, J., & Yang, H. (2022). Increasing entrepreneurs through green industrial parks: evidence from special economic zones in China. *The Annals of Regional Science*, 72, 287–312. <https://doi.org/10.1007/s00168-022-01200-3>
- Tolkachev, S. A., & Gvozdeva, V. A. (2023). Global value chains in the age of technological transformation and deglobalization. *Problemy rynochnoy ekonomiki [Market economy problems]*, 2, 140–155. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-2-140-155> (In Russ.)
- Torkunov, A. V., & Strel'tsov, D. V. (2023). Russian policy of turning to East: problems and risks. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 67(4), 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16> (In Russ.)
- Zinchenko, A. A., & Radionov, S. A. (2023). Analysis of the Effects Produced by Trade Liberalization in the Republic of Uzbekistan and the EAEU. *Studies on Russian Economic Development*, 34(1), 142–149. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-206-216>

Информация об авторах

Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905>; Scopus Author ID: 56211711000 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Ратнер Артем Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-7173-5328>; Scopus Author ID: 56385242900 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

About the authors

Elena L. Andreeva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Centre of Regional Comparative Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0905>; Scopus Author ID: 56211711000 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Artem V. Ratner — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre of Regional Comparative Research, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-7173-5328>; Scopus Author ID: 56385242900 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 14.09.2023.

Прошла рецензирование: 10.10.2023.

Принято решение о публикации: 21.12.2023.

Received: 14 Sep 2023.

Reviewed: 10 Oct 2023.

Accepted: 21 Dec 2023.